

УДК 177.9:340]:930.85(367)

Ю. Н. Беспалый

Статус справедливости в формировании правовой культуры восточнославянских княжеств

Определяется денотат справедливости в правовой культуре древнеславянских княжеств. Анализируется историческое развитие концепций справедливости с нормативно-правовой точки зрения. Обосновывается ценностный статус права и его посредствующая роль во взаимосвязи морали и политики на основе справедливости как социокультурного феномена.

Справедливость – универсальная человеческая ценность, изначально соотношенная с идеей права и отрицающая канон формальной определенности. Это характерное для отечественной правовой доктрины толкование понятия. Такой подход к справедливости представляется узким, соотносимым с теорией позитивного права. С одной стороны, справедливость признается универсальной ценностью. С другой – позитивисты оставляют без внимания тот факт, что справедливость является ценностью культуры, включающей в себя право и правовую культуру, имеющей своими истоками данность, акты, события мира.

Развитие современной научной парадигмы, «дух времени» требуют изучения, осмысления соотношения как частного и целого права и культуры, правовой культуры и справедливости, их ценностных характеристик. Правовая мысль активно определяет место, роль права в культуре. Если право понимать только как формальную систему норм, выражающих волю государства, то возможное его «осмысление» будет встроено в границы понятий позитивного права: правосознание, правотворчество и судебные решения. А все имплицитно-культурное, что есть в праве, останется не исследуемой «темной материей». При этом именно понятие «справедливость» представляется такой материей, в том числе и в силу ее универсальности, разнообразности представлений и их зависимости от типов культуры. Данное обстоятельство предопределяет комплекс проблем как правовых, так и социокультурных. Ведь социально-экономические условия, нормы права меняются, но то, что сохраняет единство, преемственность, воспроизводство культуры остается невоспроизводимым позитивным правом. Таким образом, предметом статьи является поиск денотата справедливости в культуре восточнославянских княжеств.

Историографическую основу статьи составили научные разработки А. И. Першица, первым предложившим понятие «мононормы» для определения ценностно-нормативного содержания культуры догосударственных объединений [3, с. 23]. Эмпирическим материалом для философского осмысления правовой культуры Греции и Древнего Рима стали

работы Н. В. Бряник [4]. Влиянию византийских правовых норм на юридические памятники Древней Руси посвящена статья Е. В. Кравченко [6]. Среди многочисленных исследований правовой культуры восточных славян интерес представляет работа В. В. Долгова [5].

В этом контексте правовая культура рассматривается с позиции ценностно-нормативных отношений восточных славян, то есть через отражение в культуре, в памятниках юридической природы понятий справедливости, правды, истины, свободы, равенства, добра, блага. Отношения, связанные с данными ценностями, составляют основу внутрикультурного диалога (культурного кода), являются фундаментом для социальных институтов славянских государств, определяющими мировоззрение и мышление древних славян, их духовный поиск и смысл бытия, социодинамику культуры.

Правовая культура содержит представления о справедливости, а также оценивает нормы и другие социальные феномены исходя из общекультурных и правовых принципов определенного сообщества и даже индивида. Как часть общечеловеческой культуры она отражает состояние правовой сферы жизни общества на определенном этапе его развития. Рассматривая правовую культуру как многоуровневое понятие, В. С. Нерсесянц утверждал: «Правовую культуру можно условно назвать “второй природой” (“второй натурой”). Но эта “вторая природа” не механическая пристройка к базовой “первой природе”, а итог культурной трансформации, культуризации и культивации всей (единой) природы отдельных людей и народов» [7, с. 43]. В изначальном определении Л. М. Фридмана правовая культура предстает как ценности и идеи, которые соединяют правовую систему вместе и определяют ее положение (то есть, правовой системы) в культуре общества в целом [14]. В опубликованной позднее работе Л. Фридман углубил данное определение, охарактеризовав правовую культуру как разделяемые обществом или определенной его частью взгляды, ценности, ожидания и идеи относительно права и правовых институтов [1].

Что можно сказать о восточнославянских племенах, проживавших в V–IX вв. в условиях догосударственного строя с его родоплеменной структурой, военной демократией и вождествами? В качестве основополагающего начала используем разработанное А. И. Першицем понятие «мононорма», относящееся к области нормативной этнографии или юридической антропологии. Под мононормой он понимает «недифференцированное синкретное правило поведения, которое не может быть отнесено ни к области права, ни к области нравственности с ее религиозным сознанием, ни к области этикета, так как соединяет в себе особенности всякой поведенческой нормы»¹.

¹ Шалютин Б. С., Кисель И. В. Происхождение и сущность права и государства: учебник. – Екатеринбург, 2012. – С. 8–9.

В западноевропейской этнологической и антропологической литературе, равным образом как и в дореволюционной российской, поведенческие нормы называли по-разному: правом или обычным правом, моралью, обычаями, нормами, их сущностное содержание не вызывает споров.

В XIX в. У. Г. Самнер классифицировал первоначальные культурные нормы как обычаи, нравы, законы [10]. Современный культурологический подход позволил добавить к данной триаде традиции, привычки, табу, увлечения, верования, знания, моду, вкус. Каждый из этих культурных регуляторов можно отнести к одной из следующих областей: биолого-психологической, брачно-семейной, корпоративно-групповой, мифолого-религиозной, правовой и моральной.

Уже в начальный период формирования государственных образований восточных славян данные регуляторы применялись в интересах родоплеменной верхушки вождей, князей и их приближенных, то есть начинался процесс зарождения правовой культуры, определявшей сущность начального (обычного) права. Совокупность освященных веками культурных норм позволяла дифференцировать с ценностно-нормативной точки зрения разнообразные проявления социокультурной жизни: семейно-бытовые, имущественные, криминальные процессы, публичные и тесно связанные с религиозными ритуалами.

Влияние византийской правовой культуры на характер правовой культуры восточных славян было достаточно эффективным. Одной из причин этого можно считать стремление к достижению «правды» (справедливости), присущее восточнославянскому сообществу, что доказывает достаточно высокий уровень ценностного содержания его правовой культуры. По утверждению Ю. С. Степанова: «В любой европейской культуре понятию “закон, законность” противостоит “беззаконие”» [11, с. 578]. Но в русском менталитете закону противопоставлено не скверное беззаконие, а обширная «область добра, совести и справедливости, хотя и не “регламентированная”. Это и есть особенное русское противопоставление. Оно многослойно или, точнее будет сказать, мозаично. Закону формальному, юридическому противостоит правда – внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе, совесть» [2].

Доказательством этому служат «рассуждения о справедливости» в древнерусской книжности, для которой базовый материал давала византийская традиция.

После 988 г. главная составляющая византийской культуры – христианская (православная) вера – буквально вторглась в языческий мир восточных славян. В описании летописца подчеркиваются различия в образе жизни, нравах и обычаях: «...живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще все ничисто, и срамословие в них пред отьци и пред снохами» [9]. Русско-византийский диалог культур начинался сложно. Византийская

цивилизация пыталась примирить важнейшие ценности христианства о прощении и наказании от Бога с языческим мировоззрением. Обогащение природы, почитание предков, талион, безропотное принятие неудач и другое – эта система ценностей и религиозных верований была основой у славян-язычников. Константин Великий, стоявший у истоков Христианской империи, привнес в восточнославянскую культурную почву идею божественного происхождения власти императора. Немаловажно и то, что некоторые имена восточнославянских князей имели дохристианские признаки, они базировались на логике благопожеланий, Владимир, Святополк, Святослав и т. д. [5, с. 73].

Носителем справедливости в среде восточных славян, как и у других народов, выступал князь. На эту роль указывают арабские источники и даже славянские имена Судислав и Судислава. Князь, получая право на управление и правосудие, имел определенные материальные выгоды, но с распространением христианской культуры его мировоззрение приобретало более цивилизованное содержание. Уже хрестоматийным стал пример из «Повести временных лет» о боязни князя Владимира совершить грех, осудив невинного. Ему казалось более справедливым взять с виновного виру (плата в пользу князя) и использовать ее на оснащение дружины, чем осудить на казнь. Но духовенство объясняло князю, что он «достоин казнить разбойника, но с испытанием», то есть от князя требовалась «некоторая мыслительная работа, чтобы разрешить противоречие между христианской доктриной, подразумевающей прощение врагов <...> и практикой реальной жизни» [Там же, с. 74]. По нашему мнению, это один из определяющих моментов, указывающий на различие правовых культур Запада и Востока. В то же время правосудие, то есть открытый судебный процесс, является тем актом, социально-правовой конструкцией, которая выступала донатом справедливости, что отразилось в ее мифологическом представлении в образах богинь правды и справедливости Дике и Фемиды, в лексических формах западно-романских языков. Князь как центральная фигура в деле осуществления правосудия, как высший носитель справедливости, по сути, заложил в Древней Руси основы теории справедливости, ее понятийного определения, детерминации правосудия, выявления дихотомии состязательного правосудия и объективной истины.

Христианство в форме византийского православия оказывало прямое воздействие на мировоззренческие ориентиры в древнерусском обществе. Феномены справедливости и правосудия были популярной темой в древнерусской книжности: «Слово о законе и благодати» Иллариона Киевского, «Поучение» Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника» [8]. В каждом из этих источников утверждалась христианская идея о защите слабых и убогих. По убеждению некоторых исследователей, нарушение формального принципа равенства или сво-

боды делалось во имя высшей справедливости. Правовая культура, испытывающая воздействие идеи о неотвратимости божественной справедливости, не могла допустить господства формальной справедливости. Логика высшей справедливости была иной: «пусть даже вдовица и виновата, пусть “сырый” в самом деле что-то украл, но строгий приговор для них будет означать полную погибель и разорение, а значит, только милость и христианское прощение – путь к очищению души и уподоблению правосудия княжеского правосудию Божественному» [цит. по: 5, с. 77].

Согласно концепции В. С. Нерсисянца, признаком права, выражающим его сущность, является формальное правовое равенство, выступающее как триединство внутренних взаимосвязанных компонентов, таких как равная мера, свобода и справедливость [7, с. 37–38].

Под влиянием социокультурных процессов в правовой культуре восточных славян понятия праведность, совесть, правда (справедливость), истина постепенно приобретали основополагающее значение. По оценке некоторых исследователей, высший свет религиозности, а стало быть, и нравственности, незримо пронизывал всякое правовое действие [13, с. 154]. Можно утверждать, что концептуальной основой устройства общества, в том числе древнерусского, является согласованность материальной и духовной культуры. Такой подход к пониманию культуры Г. Зиммель рассматривает на примере соотношения социальной культуры и религии. Он утверждает: «Необходимый общественный порядок часто выходит из совершенно недифференцированной формы, в которой нравственная, религиозная, юридическая санкции покоились рядом еще в нераздельной целостности <...> а затем уже, глядя по различным историческим обстоятельствам, то одна, то другая органическая форма в своем дальнейшем развитии делалась носителем таких порядков» [цит. по: 13, с. 169].

Отражением нравственного влияния на формирующуюся правовую культуру древнерусского общества является замена слова «закон» на «правда», что означает «суд справедливости», «суд правый, истинный» [3]. Перед создателями первых юридических памятников Древней Руси – «Устава святого князя Владимира» и «Русской правды» – стояла сложная задача правового урегулирования таких сфер социокультурной жизни, как семейно-бытовые, имущественные, криминальные, определения статуса новых социальных групп, к примеру духовенства. В первом из упомянутых документов устанавливалась десятина в пользу церкви, регулировались деятельность церковных судов, надзор церкви за торговыми мерами и весами (эти правила заимствовались из византийских законов). С появлением на Руси византийских сборников церковного законодательства, называемых «номоканонами», «синопсисами», впоследствии на их основе утвердилась русская «Кормчая книга» – свод норм

и правил, которыми управлялась церковь [12, с. 9]. Уставом Владимира устанавливались в отличие от византийских сборников не только церковные правовые, а и законодательные нормы, регулирующие гражданские отношения церкви. Такие сборники издавались князьями самостоятельно.

В древнерусском государстве первым сводом законов была «Русская правда» (XI в.). Слово «правда» в то время понималось как поведение в соответствии с обычаем, возведенным в ранг закона. Краткая редакция «Русской правды» состояла из 43 статей, в том числе «Правды Ярослава», «Правды Ярославичей», а чуть позже в ее состав был включен «Устав Владимира Мономаха». Этот юридический документ по содержанию отражал состояние правовой культуры определенных княжеств древнерусского общества. В «Русскую правду» были включены следующие нормы: обычного права, заимствованные из византийского права и княжеского законодательства.

Можно констатировать тот факт, что культура в Древней Руси имела особую динамику развития, формирующую религиозную форму существования личности и общества. Справедливость как трансцендентальная, божественная идея исторически присуща древнерусскому обществу и государству, а тема правды на долгие столетия стала одной из основных в русской культуре.

1. Алексеев, С. С. Крушение права. Poleмические заметки / С. С. Алексеев. – Екатеринбург : Ин-т частного права, 2009. – 32 с.

2. Байдаветова, Л. Р. Концепт «правда-справедливость» в русской языковой картине мира (на материале фразеологии) [Электронный ресурс] / Л. Р. Байдаветова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-pravda-spravedlivost-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira-na-materiale-frazeologii>. – Дата доступа: 20.06.2020.

3. Беспалый, Ю. Н. Ценностно-нормативные основания правовой культуры Древней Руси / Ю. Н. Беспалый // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. – 2020. – № 2 (36). – С. 22–28.

4. Бряник, Н. В. Динамика правопонимания в античности: от философии права Древней Греции к юриспруденции Древнего Рима / Н. В. Бряник // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Уральск. отд-ния РАН. – 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 7–23.

5. Долгов, В. В. Княжеское правосудие и православие в Древней Руси XI–XIII веков / В. В. Долгов // Философия права. – 2014. – № 2. – С. 73–77.

6. Кравченко, Е. В. Влияние византийских правовых норм на юридические памятники Древней Руси / Е. В. Кравченко // Философия права. – 2014. – № 5 (66). – С. 114–118.

7. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд. – М., 2006. – С. 30–47.

8. Политическая и правовая мысль древнерусского государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://distance.rpa-mu.ru/files/books/ippy/thm/tsm18.html>. – Дата доступа: 18.06.2020.

9. Полное собрание русских летописей : в 46 т. – М., 1997. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – С. 127.

10. Самнер, У. Г. Народные обычаи: Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики [Электронный ресурс] / У. Г. Самнер ; пер.

с англ. М. Добряковой. – Нью-Йорк, 1959. – С. 10–32. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/238/114/1217/RUBEV12x20-x200010-32.pdf>. – Дата доступа: 15.06.2020.

11. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2001. – 989 с.

12. Томсинов, В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии / В. А. Томсинов // Вестн. Моск. ун-та. – 2009. – № 4 (63). – С. 3–26. – (Сер. Право ; № 11).

13. Философия культуры : становление и развитие : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по философским специальностям / М. С. Каган [и др.]. – СПб. : Лань, 1998. – 443 с.

14. Eriedman, L. M. Legal culture and Social Development / L. M. Eriedman // Laws Society Review. – 1968. – Vol. 4. – № 1. – P. 34.

Y. Bepaly

**The status of justice in the formation
of legal culture of the East Slavic principalities**

The denotation of justice in the legal culture of the Old Slavic principalities is determined. The historical development of the concepts of justice from a regulatory point of view is analyzed. The value status of law and its intermediary role in the relationship between morality and politics, based on justice as a socio-cultural phenomenon, is substantiated.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 06.08.2020.